

Ши Няньгэ только вошла в дом, как увидела Ши Келе, растянувшуюся на ковре с торчащей задницей. В руках у нее были акварельные ручки разных цветов. Лист бумаги перед ней был покрыт разными цветами. Среди беспорядочных красок она увидела черную картинку, похожую на человека. Можно было только сказать, что это было похоже на... В конце концов, хотя оценки Ши Келе в детском саду были хорошими, ее рисунки были очень уродливыми. Вероятно, у нее не было таланта.

Каждый раз, когда она видела картины Леле, она чувствовала себя очень расстроенной. Раньше, в Лос-Анджелесе, всякий раз, когда проводился конкурс среди детских садов, учителя передавали ей слова Леле, не зная, смеяться или плакать. Они спрашивали ее, может ли она записать ее в класс рисования для детей.

Ши Няньгэ хотела, но у нее не было времени.

Она подошла и присела на корточки, чтобы посмотреть на Леле. "Что ты рисуешь? Что это за черный шар в центре? Это человек или собака?"

Леле подняла голову с озорной улыбкой. Только тогда она увидела, что подбородок и руки маленькой девочки были покрыты разными цветами. Она подумала, что ей придется сильно потереть ее, когда она будет купать ее позже. Иначе эти краски будут долго выцветать.

"Мамочка, я нарисовала папу". Леля показала на черный предмет в центре рисунка. Было непонятно, кто это - человек или собака. "Домашнее задание, которое учительница оставила нам на сегодня, - нарисовать папу, маму и себя. Мамочку я умею рисовать. Это просто один человек с длинными волосами. Я - маленький человек с двумя косами, но я не знаю, как нарисовать папу. Мамочка, купи мне папу поскорее. Я узнаю только тогда, когда увижу папу. Вот такого папу я себе представляла!".

Ши Няньгэ: "..."

Леле отложила кисточку и бросилась к ней в объятия. Она подняла руку и коснулась лица Ши Няньгэ. Затем она сказала с улыбкой: "Мамочка, почему у тебя красные глаза?"

На обратном пути Ши Няньгэ была уверена, что не плакала.

Однако она справилась со всеми своими эмоциями и не отводила глаз, глядя на дорогу впереди. Она вела машину серьезно, возможно, потому, что слишком долго держала глаза открытыми.

Она улыбнулась и потерла глаза. Она села на ковер с Леле на руках. "Я в порядке. Ветер был слишком сильным. Немного болит".

"О, о, о." Маленькое личико Леле было наполнено душевной болью. Она обняла лицо Ши Няньгэ и быстро подняла свое маленькое личико, чтобы поцеловать ее веки. "Леле поцелует мамочку, чтобы мамины глазки больше не болели".

Тетушка Сян увидела, что эти двое снова стали липкими и сладкими, и улыбнулась, отправившись в ванную за водой. "Быстро вымой руки Леле. Цвет потерялся о твое лицо".

"Все в порядке. Я помою ее позже. Я порисую с ней". Пока Ши Няньгэ говорила, она обняла Леле одной рукой, а другой взяла картину, которую Леле нарисовала. Затем она посмотрела на черную вещь в центре. Она не знала, что сказать. Она просто чувствовала, что..., - впечатление Леле о ее отце было неясным, был ли это человек, игрушка или животное.

Она не знала, что однажды Цинь Ситин узнает о ее существовании. Судя по всему, он, скорее всего, не хотел этого знать и не желал иметь с ней никаких контактов.

Но, по крайней мере, она должна была настроить ребенка на нормальный лад. Если дома она говорила глупости, это было нормально, но если она выходила на улицу, она не могла сказать, что ее отец - игрушка или что его отец - черное пятно.

Таким образом, Ши Няньгэ приобрела привычку не позволять никому марать образ Цинь Ситина много лет назад. Она схватила акварельную ручку, лежавшую на земле, взяла другой лист бумаги и начала рисовать на нем.

Наверное, он должен поблагодарить ее за привычку копировать комиксы, когда ей было скучно на уроках. Хотя ее навыки рисования были не очень хороши, по крайней мере, она могла рисовать четко.

Основываясь на своем впечатлении о Цинь Ситине, она нарисовала образ, очень похожий на него.

Эн, его брови были красивыми, нос лучше, а рот немного тоньше, чем на фотографии... Эн..., его волосы были короче. По крайней мере, сегодня они были намного короче, чем когда он был еще студентом. Эн..., его фигура была более совершенной, чем на фотографии...

После рисования Ши Няньгэ долго смотрела на рисунок, прежде чем отложить ручку.

"Ого, что это?" Леле с удивлением смотрела, как ее мама рисует человека. Это был красивый человек. "Это папа?"

Неудивительно, что отцы других детей были мужчинами. Оказалось, что ее отец тоже был мужчиной!

"Да." Ши Няньгэ задумалась на мгновение и взяла ручку, чтобы написать строчку слов - отец Ши Келе.

Хотя Леле была молода, она не знала, как написать эти слова. Однако она узнала их и смогла прочитать. Она покачала головой и прочитала их вслух. Затем она взволнованно побежала к тетушке Сян с картиной. "Бабушка Сян Сян, мой папа такой красивый!"

Тетушка Сян высунула голову из ванной, чтобы взглянуть. Затем она молча подняла голову и посмотрела в сторону Ши Няньгэ. Она как раз собиралась поддразнить ее за то, как она нарисовала человека, когда увидела, что Ши Няньгэ все еще сидит на ковре. В руках она держала акварельную ручку, которой только что пользовалась. Она о чем-то молча думала, но по ее спине можно было понять, что она подавлена.

Тетушка Сян быстро погладила Лелю по голове и сказала: "Да, папа Лели такой красивый. Мама наконец-то помогла тебе его нарисовать. Храни его правильно. Не бери его с собой в ванную. Он исчезнет, если ты его намочишь".

"Хорошо, хорошо!" Леле радостно подпрыгивала вверх-вниз, аккуратно складывая картину и убирая ее в свою маленькую симпатичную сумку.

Ши Нианге не ожидал, что Леле принесет эту картину другим и скажет им, что это ее отец.

...

Вилла Лишуй.

Серый Porsche остановился перед виллой. Цинь Сичин вышел из машины и остановился. Он увидел, что высокие сорняки во дворе противоположной виллы были убраны.

На улице была припаркована тележка для уборки. Кто-то выносил сорняки и бросал их в тележку для уборки.

Он посмотрел на передний двор виллы, который был восстановлен до первоначальной опрятности. Он посмотрел на покрытую пылью резную дверь, которая была вымыта. Бросив несколько взглядов, он без выражения повернулся и вошел в свой собственный дом. Он даже не обернулся.

Как только он вошел, ему позвонили из больницы. Они сказали, что женщина, которая только что поступила, была не в лучшем настроении. перевязав рану, она сидела одна в консультационной комнате и плакала. Никто не мог уговорить ее прекратить. Тогда они спросили ее, можно ли позволить доктору Цинь прийти и сопровождать ее. Она согласилась, и тогда они позвонили и спросили, не хочет ли он поехать в больницу, чтобы навестить женщину.

Тон Цинь Ситина был холодным. "Я не поеду. Скажите ей, что в клинике ей негде плакать. Если она не окрепнет, никто не сможет ей помочь. Я сегодня случайно проходила мимо и увидела ее, поэтому я помогла ей. Это можно считать компенсацией за потерю лица, которую я дал семье Линг. Она мне не интересна. Нет необходимости полагаться на меня".

"А?" Доктор Чжоу не понимал.

У Цинь Ситина не хватало терпения заботиться об этих вопросах. Он положил трубку и отбросил ее в сторону. Он уже собирался идти в свою комнату, как вдруг услышал, что телефон снова зазвонил, словно пытался украсть его душу.

Повернувшись, он увидел, что звонит Ли Наньхэн.

Неужели это действительно чертовски срочно?!

<http://tl.rulate.ru/book/29657/2096026>